

Вот здесь, под высотным лежащая зданьем, —
та глина, тот плац с одиноким столбом,
где нас наделяла недетским страданьем
тарель репродуктора в сорок втором.
Где пели мы песни свои строевые,
о том, что «по-Сталински встретим врага!»...
Далекие годы мои тыловые,
как память горька о вас и дорога!
Зурна задушевно зудит за дувалом,
и девичий голос высок и лукав...
Все видится мне военрук наш бывалый.
Маячит под ветром порожний рукав...

1994

* * *

Вернусь в объятье тишины,
во глубь природы сокровенной.
И все несбывшиеся сны
начнут сбываться непременно.
И снова, ощутив исток
восторгов всех и потрясений,
во мне проклюнется росток
давно забытых песнопений.
И, видя даль и высоту
над облюбованною твердью,
опять, как в детстве, обрету
то чувство, что сродни бессмертью.
И оборвавшаяся нить
вдруг свяжется легко и ровно,
чтоб вновь меня соединить
с праmaterью единокровной.

1994

ЗИМОЙ 1942 ГОДА

В стылой спальне напев — печальничек
завучит знакомо:
«Эх, начальник, эх, начальник,
отпусти до дому...»
Песня давняя, позабытая.
Днем мы в строй вставали,
«Кони сытые бьют копытами!»
на плацу певали.
Но неслись души стаей чаечек
к берегу родному.
«Эх, начальник, эх, начальник,
отпусти до дому...»

Дом сгорел за снегами дальними,
Черный ворон грает...
Позабывтая песня в спальне нам
душу надрывает.
Снова память — кипящий чайничек —
обожжет бедою.
«Эх, начальничек, эх, начальничек,
отпусти до дому...»

1964

* * *

Задумчивы дали, молчаньем окутаны рощи,
и ветер неслышно за ночью идет позади.
Он трогает трепетно клавиши листьев наощупь.
Рожденье мелодии, не пропадай, погоди!
Под первой звездой, над медовой полоской заката
звучи! И откликнутся тихо в дали тополя.
И поезд на рельсах ответит стократным стаккато.
И теплым дыханьем меня обласкает земля,
Мой ласковый мир!
Мы с тобой навсегда нераздельны.
Прими в свою вечность признание —
не в знак похвальбы.
Есть нечто во мне,
что превыше и плоти скудельной,
и краткого мига моей незаметной судьбы.

1967

МНЕ БЫ В ДЕТСТВО...

Мне бы в детство —
хотя б ненароком,
что в мои возвращаются сны,
где звучат, не подвластные срокам,
всенародные песни войны...
Где венчают над улочкой пыльной
на столбе репродуктор кривой
будни вдовьей, сиротской, двужильной,
похоронками, горем обильной,
все познавшей страды тыловой.

1993

ВСЯ ЖИЗНЬ МОЯ...

Любовь к природе сельской сохранив,
с годами становлюсь я к ней нежнее.
Мне тихий шелест сумеречных ив
день ото дня становится нужнее.

И все острее желание — сберечь,
как детство, след, что в сердце остается,
вечерних туч задумчивую речь,
печальный взгляд безвестного болотца.
Понятен мне объявший небосвод
закат, что догорает над рекою,
когда звучит покой небес и вод
прелюдией к последнему покою.
Закатным тем огнем озарена,
со всем, что живо иль ушло до срока,
вдруг станет мне на склоне лет видна
вся жизнь моя — от устья до истока.

1984

* * *

Угомонился день.
Спокоен летний вечер.
Неслышно стек закат
по кронам тополей.
И звезды в небесах,
как трепетные свечи,
мерцают в вышине
над тихим сном полей.
И в глубине равнин
за сумрачной вуалью
вечерний огонек
затеplился в избе.
И отчего-то грудь
наполнилась печалью...
О, Родина моя,
что суждено тебе?

1988

* * *

Свет вечерний разлил позолоту
над полями родной стороны,
где кузнечик осеннюю ноту
с травяной не спускает струны.
Где, жестокие помня утраты
лет нелегких и тягостных бед,
все глядят молчаливые хаты
косякам журавлиным вослед.

1970

РОДИНА

Кому-то край отчий — Смоленщина,
а мне милый угол — Смелянщина,
где радость была мне обещана
да горем военным растащена.

Уплыть бы туда мне по Тясмину,
по тихому Тясмину ясному,
где под облаками белесыми
журавль пролетает над плесами.

Ах, Родина! Радуя, мучая,
пробудешь во мне до скончания,
как та материнская, жгучая,
святая слезинка прощания...

РОССИИ

Россия! Я в беде спознался с ней,
когда враги ей гибелью грозили.
На перекрестках благодатных дней
не распинаясь я в любви к России.

Я мерз в ее ночных очередях.
От голода опухший и плешивый,
я падал в снег на тех же площадях,
где русскую историю вершили.

И оживляя стынущую плоть,
она у серых стен военкомата
последний отдавала мне ломоть
рукой идущего на фронт солдата.

2010

* * *

Куда бы ни вели вожди,
какой бы ни пришел мессия,
чтоб нас ни ждало впереди,
во мне пробудешь ты, Россия.
Великая, святая Русь!
Храня приверженность плебея,
тобой я всуе не клянусь,
но исповедуюсь тебе я.
В чужие не стремлюсь края,
с тобою в торжествах и в смуте,
кровинка малая твоя,
своей не изменю я сути.

Чья б ни манила благодать,
до веку буду, не пеняя,
тебя любить, с тобой страдать,
души на сытость не меняя.

2010

ПОКАЯНИЕ

Мне каяться не в чем,
я мало грешил на земле,
тому поклоняясь,
что было святыне не ложной...
И все же покаюсь
перед этой звездой во мгле
и отчим порогом,
и пыльной травой придорожной.
Томим все сильнее
желанием день ото дня
долг памяти давней
вернуть покаяньем сердечным
перед старой крестьянкой,
что в стужу согрела меня,
и хлеб разделившим
со мною солдатам увечным...
И теми, кого мне
обидеть пришлось на веку,
и перед родными,
с потерей которых свыкаюсь...
Пред ними,
дарившими радость, любовь и тоску,
перед всем белым светом
покаюсь,
покаюсь,
покаюсь...

1991